

нопедагогике. Юристы по образованию Ушинский и Ленин, гениальные математики Лобачевский и Чебышев, лучшие химики Менделеев и Семёнов, гениальные медики Пирогов, Корчак, Аммосов и Углов создали уникальные педагогические этнопедагогические труды. Замечательные этнопедагогические идеи оставили Циолковский, Гагарин, Николаев... Во «Введении в этнопедагогическую» представлены высокоодаренные этнопедагоги, мыслители: Дмитрий Лихачев, сумевший представить трудовое и нравственное воспитание как праздничное воспитание, Жорес Алферов доказал, что всякий мудрый, добрый, бескорыстный, порядочный, великодушный, благородный, любящий человек непременно является великим педагогом.

Конференция в Горно-Алтайске событийно. Мы не можем не помнить, что это центр древнейшей цивилизации, очаг мировой культуры, мы почти все оттуда. Посещение Родины предков было моей великой мечтой. Сожалею, что время ушло. А так мысленно, конечно, я с вами.

Желаю, благословляю, завещаю быть вам вместе, держаться друг за друга, поддерживать друг друга. Я помню своих учителей, горжусь ими, они были лучшими в мире. Я горжусь вами, мои ученики, люблю вас. Мне любой педагог в мире может завидовать, ибо ни у кого не было таких дружных, даровитых, успешных, порядочных учеников.

Дорогие, родные! Я люблю вас, будьте счастливы!

*Академик АПН СССР, РАО, Почетный гражданин Республики
Калмыкия Г. Н. Волков*

УДК 378.+01

З. Б. Цаллагова

РЕЦЕПТЫ НАРОДНОГО ВОСПИТАНИЯ

«Ветку гнут, пока она сыра,
ребенка воспитывают, пока он мал»
Адыгская пословица

Важную роль в формировании личности играет культура, в том числе традиционная культура воспитания, с самого раннего детства нацеливающая на сохранение свойственного ребенку пластичного контакта с окружающим миром, на следование непреходящим истине, добру и красоте. В народных афористических изречениях (пословицах, поговорках, присловьях, благопожеланиях, клятвах, проклятиях, нефигуративных изречениях и т. п.) проповедуются жизнь в соответствии с логикой природы, гармонизирую-

щей существование человека. Афоризмы – своего рода рецепты этой гармонии, сформулированные задолго до появления современных религий, и заключающиеся в следовании простым и доступным предписаниям, делающим человека мудрым, доброжелательным и по-своему счастливым. Тематически всеохватные народные афоризмы, предельно короткие по форме и беспредельно глубокие по смыслу, говорят о животрепещущих и вечно актуальных вопросах морали и истины в них взаимопроникнутости. Эти два фундаментальных начала: познание и нравственность, а также взаимосвязь мира природы и внутреннего мира человека и определяют доминанту афористического творчества народа.

Афористическое наследие, как и вся народная культура, носит синкретический характер. Афористические формы, будучи выражением философских, педагогических знаний народа, вместе с тем являлись источником агрономических, астрономических, метеорологических, медицинских и пр. знаний, а также несли информацию эзотерического характера, неназойливо нацеливающую личность на восприятие человека как творца и созидателя добра, на приятие и бережное созидание мира, на передачу жизненного опыта, профилактику ошибок, индивидуальных и социальных бед.

Употребление в повседневной речи малых фольклорных форм придает ей образность, фигуративность, яркость, тот особый «восточный» колорит, который делает его экспрессивным и действенным. «...Я одним словом своим делаю из труса храбреца, защитника своего народа, вора превращаю в честного человека, на мои глаза не смеет показаться мошенник...» – так определяли весомость своей речи.

Полной афористических вкраплений – один из кабардинских гегуако народных сказителей. Такие мудрые старцы, владеющие всем богатством культурного наследия народа, обладающие эзотерическими знаниями этноса, владели механизмом превращения народного афоризма в воспитательное средство, когда ситуация провоцирует использование сентенции, а заключенный в нем скрытый глубинный смысл и сила слова, экспрессия «работают» на улучшение, облагораживание личности.

Спецификой данного материала является то, что этнически разнящиеся афористические регламентации жизненных сходных ситуаций являются как бы вариантами некоей единой инвариантной основы. Это положение можно проиллюстрировать сотнями примеров. Так, проповедуя единую идею необходимости и эффективности раннего начала воспитания ребенка, основанную на обширном опыте и многовековой воспитательной практике, различные народы в своих национальных афористических назиданиях говорят об одном и том же: «Ветку гнут, пока она сыра, ребенка воспитывают, пока он мал» (адыг.), «Если не согнул прут, не согнешь никогда кол» (адыг.), «Воск мни, пока он горяч, человека учи, пока он мал» (адыг.), «Если прут сырым не согнешь, сухим его не согнуть» (абаз.), «Обруч, не свернутый из прутика, не свернешь из жердь» (чечен.), «Дерево гнется мо-

лодым (побегом)» (осет.), «Гни дерево, пока гнет, учи дитятко, пока слушается» (русск.), «Гни кол, пока он тонкий прут, вырастет – согнуть не сможешь» (балкар.), «То, чему научился щенком, не забыл и кобелем» (чечен.); «Если хочешь выпрямить дерево, делай это, пока оно молодо» (японск.); «Гни дерево, пока оно еще молодо, учи ребенка, пока он еще мал» (армян.); «Из молодого, как из воска, что хочешь, то и вылепишь».

Все перечисленные пословицы, подчеркивая гибкость и пластичность детской природы через посредство сравнения с молодой, податливой хворостинкой (или другими предметами), соответствующим образом нацеливают родителей и воспитателей. В приведенных примерах виден общий для всех народов характер природосообразности традиционного воспитания. Пословицы, не имея возможности для детального развития очень важной проблемы, обыгрывают свойства различных природных материалов (своего рода «сопромат») и в образной, иносказательной форме подводят к социальным, педагогическим заключениям.

При традиционном укладе жизни весома и действенна была значимость благопожеланий. Об этом говорит стремление получить благословение в ответственный момент жизни, безусловная вера в благопожелания старших, силу их напутственных слов. Такая вера существенно способствовала благоприятным прогнозам на успех, удачливость ребенка, способствовала повышению убежденности в собственной значимости, укреплению уверенности в своих силах.

Стремление получить в решающий момент своей жизни благословение – широко распространенная у многих народов традиция. Очень весома и чтимо это понятие в русском фольклоре, соответственно и духовной жизни русского этноса. Особое, магическое значение придавалось родительскому благословию, в то время как заслуживших родительское проклятие, чурались, приводили в качестве отрицательного примера. Герой киргизского эпоса Манас перед боем просит: «Благословите, предки, меня, счастливой сделайте битву мою!» В бурятском эпосе бабушка героя Абай Гэсэра упоминается с постоянным эпитетом благословляющая: «Манзан Гурмэ – бабушка, благославляющая и помогающая Гэсэру». При таком восприятии благопожеланий стремление ребенка получить их становится мощным стимулом его развития, а при условии гармоничного вплетения благопожеланий в повседневный быт ребенка – важным условием его комфортного существования.

Усилению воспитательного, психотерапевтического воздействия формул пожелания блага способствовало их произнесение в особые моменты психофизической жизни ребенка: праздники, минуты пробуждения и засыпания, в момент ушиба, травмы, – когда словесное воздействие на него особенно значимо и сродни внушению. Этому же способствовал ритуал, сопровождавший некоторые благопожелания.

Так, ингушское ловца (благопожелание): «Пусть будешь крепче железа!», – произносилось с целью оберега в момент забивания гвоздя на месте падения ребенка. Последний при этом прекращал плакать, переключая внимание и забывая о своей боли. В аналогичной ситуации могли произносятся другие благопожелания (или же все вместе выстраиваясь в ряд): «Пусть будешь ты храбрее волка!» (ингуш.); «Пусть олень упадет на место, где ты упал!» (ингуш.).

Благопожелание ребенку – не только моральный заряд, содействующий успеху, приобретению оптимизма. Способствуя установлению особого контакта между произносящим и тем, кому оно адресовано, благопожелание как бы программирует судьбу, поведение ребенка.

Осознавая охранный и программирующий заряд благопожелания древние давали детям имена, являющиеся усеченными или рудиментарными пожеланиями. Использование такой формулы в качестве имени повышало частоту его применения, чем достигалось повышение его действенности, более глубокое проникновение в подсознание. Не случайно с этой точки зрения было имя Царей (осет. Живи), Фидар (осет. Крепкий), Ахсар (осет. Отважный) в осетинских семьях с высокой детской смертностью, где не выживали первенцы. Пожелание привития физических качеств твердых металлов, горных вершин, ловких и сильных зверей присутствует в тюркских именах Аслан (Лев), Каплан (Львица), Булат, Казбек, Эльбрус. Общеизвестен смысл многочисленных русских имен Любомир, Владимир, Святослав, Любомудр; имена Надежда, Вера заключают не только утверждение но и благословение – будь надеждой, опорой, верой. Имена-благопожелания, как и уменьшительно-ласкательные формы имен, служили средством выражения ласки, благорасположения к ребенку, средством имплицитного целеположения; взрослого же человека они обязывали соответствовать имени, блости его.

Народные традиции активно поощряют произнесение благопожеланий: «Произносящий благопожелания сам благословен» (осет.), «Пожелание здоровья напрасно не проходит (для здоровья произносящего благопожелание)» (осет). Здесь угадывается своего рода эзотерическая народная информация о необходимости руководства своими действиями, мыслями и чувствами, целесообразности их направления в позитивное русло. Афористическая традиция не только накладывает вето на негативные проявления человека («Проклинающий сам испытает силу своего проклятия» (осет.), «Проклятия, как цыплята, находят приют дома (англ.), имея в виду, что страх, ненависть и злоба для человека – путь духовного разорения, но и способствует культивированию проявлений добра, позитивной постоянной настроенности человека, уже с самого детства предупреждая ребенка о серьезных последствиях его негативных проявлений, в том числе даже мысленных и эмоциональных.

Часто в благопожеланиях апеллируется к божественным высшим силам.

Прежде всего, это пожелания покровительства и благорасположения Бога, а также призыв и ожидание помощи от божеств языческого пантеона, с течением времени подвергшихся исламизации либо христианизации. Это, своего рода, благо-пожеланий молитвы, произносимые с соответствующим чувством и интонацией. Мало кто не согласится с тем, что люди, искренне верящие создают себе эгрегориальную защиту. Народная словесность: молитвы, молитвы-тосты, песни, предания, клятвы, благопожелания, – пропущенные через умы и чувства множества поколений древнего этноса и каждодневно присутствующий в их духовной жизни, перестают быть только Словом.

Для проклятий характерно обращение к тем же явлениям и образам, что и в благопожеланиях, но контрастным, антонимичным. Если благопожелания метафоризируют восход солнца, то проклятия – его закат: «Пусть померкнет твое солнце!» (осет.). Поскольку идиоматические выражения: мое солнце, мое солнышко, мой очаг, зеница моего правого ока, – иносказательные обращения к ребенку, резко негативная нацеленность такого рода пожеланий особенно рельефна: «Пусть погаснет твое солнце!»; «Пусть потухнет твой очаг!». Семантика проклятия, как правило, выражает отрицательно маркированный член бинарных оппозиций: черный – белый, несчастливый – счастливый, мертвый – живой, больной – здоровый, бедный – богатый, призванные здесь ассоциироваться с вызываемыми ими психологическими ощущениями: «Пусть черный день настигнет тебя!» «Пусть кровавый дождь прольется на твою голову!»

Посредством проклятий искоренялось, бичевалось все антиобщественное, аморальное, антигуманное, безнравственное. Проклятия были эмоционально выраженным «красным светом» всему негативному, своеобразным «запретительным лозунгом». Использование в речи проклятий, несущих негативный сильнейший посыл, у всех народов ограничено рамками запретов (табу), прочитывается однозначно отрицательное отношение к их использованию: «Пожелавший другому зло, сам его получает» (осет.) (Ср.: «Произносимое ртом, вдыхаешь носом» (чуваш.)). Эзотерический смысл табу на проклятия, предполагающий наличие у говорящего сильных отрицательных эмоций и пожелание зла, видится в проведении установки на всепрощение, гармонизацию человеческой жизни в соответствии с законами этики и находит свое подтверждение в работах современных практических психологов и древнейших восточно-азиатских медитативных практиках.

Пресекающим, предохраняющим началом обладала даже возможность получить, навлечь на себя проклятие. Особенно страшной была угроза родительского проклятия. Щедринский персонаж Иудушка Головлев, исчерпав другие аргументы, угрожает детям родительским проклятием. Народное право у северокавказцев также свидетельствует: люди, заслужившие родительское проклятие, были как бы отрицательно маркированными членами общины, примером со знаком минус.

Такая весомость родительского нерасположения в народной традиции смыкается с религиозными заповедями, современной энергоинформационной теорией: связь детей и родителей, близких родственников тесна и нерасторжима не только на физическом, но и духовном, энергетическом уровнях. Когда родитель адресует ребенку взгляд, жест, и тем более, слово, пронизанное отрицательной экспрессией, он дает подпитку негативным программам его жизни.

В своем живом функционировании паремии-проклятия могли быть частью синкретического фольклорного действа. У чеченцев и ингушей описан обряд сооружения карлага, «памятника осуждения» человека, который совершил тот или иной проступок, преступление. Воздвигаемый у дороги, в месте, ближайшем к месту преступного действия, карлаги складывались из камней, щепок, комьев земли под громкие выкрикивания проклятий, они надолго сохранялись и служили преступнику укором и наказанием, а другим, в том числе представителям новых поколений - предостережением.

Множество пословиц и поговорок призывает избегать ссор, негативных состояний духа, быть терпимым, не злословить, стойко переносить жизненные невзгоды, дает рецепты сохранения душевного равновесия. Народные афоризмы связывают самым непосредственным образом психофизическое здоровье человека с состоянием его души.

Современная психотерапия, кладущая в основу лечебного внушения полусонное, физически расслабленное состояние человека, заново открывает механизмы оздоравливающего действия воли, настроения, слова, зашифрованные в народных изречениях и используемых из поколения в поколение: «Держи в себе радость с утра в течение часа, и она тебя будет держать весь день» (узбекск.), «Как свою жизнь с утра сам настроишь, так она у тебя и будет идти (в течение дня)» (осет.).

Зафиксированная в паремиях связь состояния здоровья с психикой человека подтверждается современными медико-биологическими исследованиями. Установлено, что эмоции сопровождаются определенным химическим составом крови: плохие мысли отравляют существование, разрушают здоровье, в то время как хорошие – способны улучшить самочувствие. Эти наблюдения как бы вторят народным установкам, рекомендующим сосредоточивать внимание на светлых и радостных сторонах жизни: «Берите пример с солнечных часов – ведите счет лишь радостным дням» (немецк.), «Плохой день не долог, век плохого человека короток» (осет.), «Гнев человеку сушит кости, крушит сердце» (русск.), «Сердитый человек рано стареет» (балк.).

Уныние, гнев и в религиозных установках трактуются как грех. В христианстве одна из главных заповедей – никогда, ни при каких обстоятельствах не падать духом, так как внутренний настрой мыслей и чувств – главное оружие в борьбе с неприятностями, а оптимизм, как образ жизни, – панацея от множества заболеваний, тревог, страхов, беспокойств. Почти

афористически звучит библейское: «Веселое сердце благотворно, как врачевство, а унылый дух сушит кости» (Прит., 17). Благопожеланием, наставлением звучат слова Христа: «Да радость Моя в вас пребудет, и радость ваша будет совершенна. И радости вашей никто не отнимет от вас!» (Иоан., 8). Апостол Павел настойчиво советует: «Радуйтесь всегда в Господе и еще говорю: радуйтесь!».

Современная экспериментальная медицина бесстрастно констатирует: наличие в организме достаточного количества гормонов повышает сопротивляемость болезням, а гормоны, эти жизнетворные вещества, множатся в организме только при радостном настроении. А вот лабораторные анализы крови человека, пребывающего в состоянии подавленности, раздражения, злости, гнева свидетельствуют о наличии в ней токсинов, отравляющих его внутренние органы; т. е. своими негативными эмоциями, на кого бы они ни были направлены, человек наказывает, прежде всего, самого себя.

Иногда причину болезни народ связывал с действием сверхъестественных сил, влиянием «инога мира». Так, например, в ингушском фольклоре существует своеобразная формула пожеланий – заговаривание болезни («лазар хестор» букв. «хвалить болезнь»). В сопровождении определенных процедур такое славословие было призвано обмануть, привлечь внимание лицетворяемой болезни к другим местам обитания, чтобы ей разонравились существующие условия, и она ушла, покинула тело больного. Этот образ ингушской традиции родственен восточноазиатским представлениям об энергоинформационной сущности болезни: для того, чтобы болезнь пациента не перешла на них, китайские мастера цигун-терапии на сеанс лечения обязательно надевают на себя больше золотых предметов, способствующих очищению организма от патогенной энергии. Российский целитель Порфирий Корнеевич Иванов предупреждал своих последователей: «С болезнью надо быть осторожным, чтобы она на тебя не перескочила».

В адыгских врачевальных песнях-заговорах, состоящих из набора однофразовых формул с просьбой исцелить, обращаются к мифологическому демиургу Тлепшу, именем которого клянутся и немилостью которого угрожают в проклятиях. Такие исцеляющие паремии произносил посетитель. Первый раз, навестивший больного, подойдя к нему, трижды ударив молотом по сохе. Целесообразность описанного древнего ритуала также подтверждают изыскания современной энергоинформационной теории: резкие хлопкообразные звуки, как и звон колоколов, бубенцов и т. д. вкупе с произнесением благопожеланий, заклинаний гармонизируют, облагораживают атмосферу помещения.

Таким образом, народная интуиция, выводящая на оптимальное поведение, в конечном итоге лечит, гармонизирует, успокаивает человека. Не кажутся очень новыми и рекомендации некоторых западных психологов по урезониванию расшалившихся из-за вседозволенности нервов своих соотечественников по налаживанию отношений с родителями и детьми.

Бестселлером в Америке стала книга психолога К. Роджерса «Жизнь–101», в которой он увещевает: поздно переделывать родителей, бесполезно им возражать, по крайней мере, внешне. Это вы к ним должны приравниваться, терпеть, чтобы не было потом мучительно больно. Уважайте, прощайте, терпите – этот крест нести легче, чем мучительные сожаления, часто запоздалые и бесплодные. Все это, по идее, возврат к ясно формулируемой в афоризмах установке уважения к старшим, родителям: «У старшего вытри нос и спроси у него совета» (осет.), «Молодого наставляют, старого не поучают» (адыг., абаз.), «Кто старшего не послушался, в большую яму упал» (чечен.), «Где нет хороших стариков, там нет хорошей молодежи» (адыг.), «Старый человек четверых молодых стоит» (чуваш.).

Нет отрасли человеческих знаний, на которую бы афористические тексты, как сгустки народно-педагогического опыта не выходили. Во многих из них содержится интуитивно-поэтически уловленная глубинная суть многих жизненных явлений, с течением времени осмысливаемая, и объясняемая официальной наукой. Народные афоризмы, характеризующиеся плотностью информации, эмоциональностью, общей прогностической настроенностью как бы нацеленной на вечность, и сейчас жизнедеятельны а фиксированные в них наблюдения миллионов людей над собой и своими собратьями оказывают авторитетное влияние и на современного человека.

В учебно-воспитательной работе современной школы, возможно, самое широкое использование педагогического потенциала народной афористики, которая характеризуется устремленностью к духовности, нацеленностью на бесконфликтность, уступчивость, добро, истину, любовь.

Идея добра и любви в афористическом наследии народов – главенствующая. Множество смежных фольклорных (песенных, сказочных, эпических) проекций данной идеи позволяет осмыслить и отомкнуть соответствующий информационный блок народных знаний и представлений. В данном случае под словом «любовь» фольклорные тексты позволяют понимать не только и не столько сентиментальные чувства, не только привязанность к родным, но также чувство благодарности, дружбы, восхищения, сострадания и уважения, расположения. Именно такая семантика прочитывается в слове любовь, входящем во многие афористические тексты. Такая любовь – источник доброго отношения ко всем людям, природе. Наполненность такой любовью – основа единства с Вселенной, духовного роста, гармонизации чувств и одновременно – лучшая защита человека, ибо следование принципам духовности, вместе с тем – профилактика дезадаптации личности, невротических реакций и сопряженных с ними болезней души и тела.

Именно такая любовь – основа жизни, дающая человеку огромную жизненную энергию. Осознание фундаментальности любви, возведение ее в жизненную норму решает множество проблем. Даже простая проповедь любви и пожелания добра ближнему в народных благопожеланиях умножают ее силу, становятся попыткой прервать ставший порочным педагогичес-

кий круг, ибо только «педагогика свободы и любви» (академик Г. Н. Волков) может выпестовать человека гармоничного, способного к гармонизации взаимоотношений с окружающими людьми, природой, что в конечном итоге сняло бы существенные проблемы экологии и политики.

В народных афоризмах подчеркивается необходимость любви к детям, всему подрастающему, нуждающемуся в защите, опоре. Все, что связано с воспитанием, пестованием детей, несмотря на вынужденную внешнюю суровость, порождено любовью. Безоглядной, неограниченной любовью к детям пронизаны и лаконичные образные изречения: «Лягушке ее головастик – что луч солнца» (осет.), «Своих птенцов и грач считает красивыми» (адыг.), «Когда предложили принести самую красивую вещь, ворона притащила своего птенца» (чечен.), «Ворон говорит: «Мои птенцы белоснежные» (чуваш), «Нет певчего для вороны против родного вороненка» (русск.), «И бобры добры до своих бобрят» (русск.), «Материны глаза слепы» (русск.), «Если даже юноша слеп, матери он кажется зрячим» (абаз., кабард.).

Народная традиция, в свою очередь, и детей нацеливает на осознание материнского труда, любовь к ней, преданность и благодарность: «Кто почитал мать, того почитали все» (чечен.), «Никто еще не заплатил долг матери» (осет.), «ежедневно угощай мать блинами, испеченными на ладони, – и то не отплатишь ей добром за добро, трудом за труды» (чуваш.). Иногда пословица не просто уговаривает быть почтительным, явно другие интонации слышны в следующей чувашской афористической фразе: «Не пришлось бы раскаиваться у гроба матери». Культ матери во всех традиционных культурах воспитания безоговорочен. Паремии категорично заявляют: «Свою мать ведьмой никто не назовет» (осет.). Приведенный категоричный императив гармонично стыкуется с итогом многолетних специальных наблюдений: «Ни одному воспитателю, ни об одной матери нельзя отзываться отрицательно: с этим отзывом навсегда прекращается нравственное воздействие воспитателя на воспитуемого; нет плохих матерей: есть матери хорошие и несчастные» (Г. Н. Волков).

Другая важная гуманистическая идея народных афоризмов – смирение. Каждое событие, каждый человек, выводящие нас из себя, – часть природы, Вселенной и поэтому даже при физическом сопротивлении чему-то, вмешательству в обстоятельства, человеку предписывается сохранение внутреннего смирения, сохранение гармонии с внешним миром. Призывом смириться, перетерпеть звучат очень популярные в народе афоризмы:

«Плохой день и плохой человек недолговечны» (осет.), «Терпение и труд все перетрут» (русск.). Как правило, чаще всего они звучат в устах пожилых, умудренных жизнью людей, на практике испытавших, что вражду может остановить только любовь, прощение, но не ответная вражда; понявших, что некоторые житейские невзгоды, как плохую погоду, надо перетерпеть, и что никогда в мире насилие никого ни к чему хорошему не приводило. Такое осознание проблемы подводит к пониманию того, что ни смирение, ни компромисс не являются признаком слабости, рабства.

Действенность пословичной информации велика и в оценке современного человека, а самый широкий спектр их тематической направленности помогает, наряду с развитием в ребенке отдельных качеств и свойств характера, связать эти свойства между собой.

Народные сентенции, зафиксировавшие наблюдения миллионов людей над собой, своими собратьями, по-прежнему актуальны и их влияние на современного человека, вне всякого сомнения. Народные наставления учат всех и всему, а педагогической эффективности их функционирования как средств регулирования и коррекции поведения способствует то, что испокон веков они создаются и используются людьми, активно стремящимися не только передать свой опыт, но и заставить воспитанника воспринять его и испытать некий страх оказаться социальным изгоем.

Функционируя как механизм сохранения и передачи этнической культуры воспитания, этнопедагогическая афористика, вместе с тем, отличается активным интернациональным началом. Сравнительное сопоставление афористических срезов этнопедагогического наследия разных народов убедительно подтверждает идею общности народных педагогических культур.

Использование воспитательно-образовательных возможностей афористического арсенала традиционного воспитания – важный фактор этнопедагогизации содержания домашнего воспитания. Краткость, тематическая всеохватность и глубокое смысловое содержание позволяют имплантировать афористические изречения в любую речевую ситуацию, диалог или монолог. *Особая воспитательная ценность афоризма в том, что он, как знак, символ несет информацию обо всем том, что проповедует педагогическая традиция народа, смежные средства традиционного воспитания, но в отличие от последних, благодаря своей минимизированной форме, актуализируется в речи по мере возникновения такой необходимости, предопределяя модель поведения и влияя на самовыражение людей.*

УДК 378.128

Э. В. Екеева

ЭТНИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА КАК ОБРАЗНО-ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Идея наличия и значения образно-знаковой системы принадлежит многим исследователям. Вспомним, прежде всего, идею Л. Леви-Брюля об образах и знаках, создаваемых в истории человечества, образующих реальность человеческого бытия. Фундаментальное значение реальности образно-знаковых систем исследуется академиком РАО, доктором психологичес-